

Четыре блокадных истории

В дни празднования полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады в Семейной гостиной прошли праздники для ветеранов. Блокадников поздравила, выразила им признательность и пожелала здоровья глава МО Московская застава Валентина Афонькина. А по завершении праздничных встреч каждый из них получил от местной власти подарок.

Как всегда бывает, для ветеранов в Семейной гостиной накрыли столы, зал украсили шарами и цветами. Перед собравшимися выступил дуэт «Задорюшка», который своим репертуаром полностью оправдывал веселое название. Пенсионеры с удовольствием пели вместе с артистами, танцевали и общались друг с другом. Здорово, что муниципальная власть находит поводы для таких встреч, которые поднимают дух пенсионеров, укрепляют их в мысли о том, что они по-прежнему нужны своему городу. Каждый из пришедших на праздник прожил большую и трудную жизнь. Для многих она начиналась в блокадном Ленинграде.

Например, для Галины Михайловны Фабро, которой в начале войны едва исполнилось четыре года. Отца как специалиста сразу эвакуировали на Урал для строительства завода. А мать осталась с двумя дочерьми в городе. Их коммунальная квартира быстро пустела

– Соседка уехала с детьми в Сибирь, ее муж-инвалид остался. Вторая соседка осталась с тремя малыми детьми. Правда, самый маленький тут же умер. Моя сестра с институтом Мечникова была постоянно на рытье окопов. Как-то во время бомбежки она сломала ногу, долго лежала в госпитале, но нога так и не срослась. Мама привезла ее домой и все время плакала. В квартире у нас были близкие друзья-учителя, мы с ними старались жить одной семьей. Но в конце 41-го года умер сначала муж, а потом в январе 1942-го года и она. Слава богу, в нашей семье все остались живы. Брат ушел в армию. А я держалась за юбку мамы. Мы жили на седьмом этаже. Помню, мама на крышу постоянно забиралась тушить зажигалки. Как-то она ушла отovarивать карточки, а мы остались с сестрой дома. Началась бомбежка, и взрывной волной у нас сорвало крышу. В комнате все ходило ходуном, все прыгало. Диван стоял возле окна, но во время бомбежки оказался на середине комнаты. Все летело на нас. Мы сидели с сестрой на диване, прижавшись друг к другу. У нее на теле потом остались шрамы. Под наш дом попала бомба, но не взорвалась. Разбила первый и второй этажи – там сте-

ны вылетели. Вторая бомба попала в дом наискосок. Там разрушило третий и четвертый этажи. А мамы все не было. И в этот день она не пришла. Пришла поздно вечером на второй день и рассказала, что весь район был оцеплен войсками. Она умоляла пропустить ее, говорила, что дома остались дети. Ей отвечали: нельзя. А мы уже думали, что она не придет.

Такие рассказы без слез слушать нельзя: невольно представляешь двух детей в разбомбленной квартире – среди ада фашистского налета, ревущих моторов и рушащихся стен. Послушать бы каждого пришедшего – какие истории мы бы услышали! Но автору этих строк на празднике удалось расспросить только рядом сидящих.

Раиса Дмитриевна Касаткина вспоминает, как со старшими ребятами, выполняя наказ дворника о бдительности, ходила «шпионов ловить».

– Наша дворник нам говорила: «Ребята, никого не пропускать. У всех спрашивайте: кто идет?» Мы во всем старались помогать старшим. Мне было шесть лет. Мы жили у Витебского вокзала. Потом нас пытались эвакуировать. Но из-за бомбежек вернули назад. Отец с матерью работали на заводе им. Кирова. Мы оставались с бабушкой. Дом наполовину разбили. Помню День Победы. Ночью нас всех отец поднял. Все люди по Гороховой шли на салют. Такая радость у всех была! Мой дядя как раз на прожекторах работал в том месте, где стреляли (возле Петропавловки).

А вот что рассказала сидящая рядом с Раисой Дмитриевной Любовь Станиславовна Анусевич:

– Я родилась в 1934 году. Мы тогда жили на Петроградской. Квартира была большая, коммунальная. Отец работал на заводе Козицкого главным бухгалтером. В семье было двое детей. У меня была замужняя старшая сестра. Перед

началом войны она родила дочь, а мужа забрали на фронт. Но до отправки на передовую его часть стояла на правом берегу. Сестра туда ездила. И как-то увидела картину: расстреливали «дезертиров» – еще не воевавших солдат, ушедших в самоволку. У нее от этой картины, наверное, испортилось молоко: у ребенка отнялась ручка и ножка. Девочку выносили, но не долечили. Наш папа умер от голода. В квартире с нами жили академики – муж и жена, такие красивые – они от голода умерли. Кондуктор Поля – соседка тоже умерла и Лялочка – другая соседка. Летом 1942 года на открытой барже мы эвакуировались. Нас очень сильно бомбили. Прямого попадания не было, но осколки летели отовсюду. А мы сидели на тюках. Когда вернулись из эвакуации, пришлось начинать с нуля, жили даже в подвале, где бегали огромные крысы.

Еще один гость «Домашнего очага» – Флоритта Абрамовна Левитан – тоже ребенок блокадного города. В разговоре с автором этих строк она выразила сожаление, что почти ничего не помнит:

– Жаль, что люди того поколения мало рассказывали о блокаде. Или мы их плохо спрашивали. В августе 42-го наша семья эвакуировалась. Мама говорила, что мы уехали, когда все страшное уже закончилось. Нас у родителей было две дочки: одной – 10 лет, а мне – два года. Сестру сначала одну эвакуировали, но вдруг маме сообщили, что поезд в районе Бологого разбомбили. Мама оставила меня на добрых людей и – туда. Как она добралась – не знаю, но нашла сестру. Привезла не только ее, но еще и ее подругу. А в эвакуации мы были в Алтайском крае.

Светлана ЗАДУЛИНА

Мы, ветераны Московского района, благодарим вас, глава МО Московская застава и Семейной гостиной, за внимание к ветеранам и помощь. Спасибо, что не забываете о нас. Мы благодарим вас за замечательный, душевный ленинградскому Дню Победы, за концерт, который вы устроили.